

Шайденко Е.А.

Омская академия МВД России

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА ПРИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уголовная ответственность, установленная законодателем за те или иные деяния, призвана обеспечить соразмерную и справедливую реакцию со стороны государства на совершенные преступления. Вместе с тем при назначении наказания в каждом конкретном случае суд обязан также действовать в соответствии с принципом индивидуализации уголовно-правовой репрессии.

Несмотря на общую тенденцию последних десятилетий к либерализации наказаний, к гуманизации уголовной ответственности в целом, следует обратить внимание, что не каждое преступление, в силу своей высокой общественной опасности, априори может позволить правоприменителю использовать некоторые уголовно-правовые инструменты, которые позволяют преступнику «уйти от ответственности».

В 2016 г. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ¹ законодатель расширил институт освобождения от уголовной ответственности, добавив в него основание – в связи с назначением судебного штрафа. Данная новелла применима в случае, когда лицо совершает впервые преступление небольшой или средней тяжести, если был возмещен ущерб или иным образом заглажен вред. В настоящий момент ст. 76.2 УК РФ не имеет ограничений в применении.

Безусловно, освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа является универсальным уголовно-правовым средством. Суд при принятии данного решения в каждом случае индивидуально оценивает комплекс обстоятельств, связанных как с юридически значимым поведением лица, совершившего преступление, так и с признаками состава совершенного им преступного деяния. Однако, на наш взгляд, существуют составы преступления, требующие в этой части

более детального описания аспектов, которые должны быть рассмотрены и учтены судом при вышеописанной ситуации.

Осуществление правосудия в Российской Федерации охраняется уголовным законом от различных преступных посягательств, которые подрывают стабильное функционирование системы судов, снижают доверие граждан к судопроизводству и государственной власти в целом. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности является одним из наиболее опасных преступлений данной сферы, которое нарушает исполнение фундаментальных принципов судопроизводства, а также в значительной мере затрагивает законные права и интересы граждан. Вызывают обеспокоенность случаи прекращения уголовных дел в связи с назначением судебного штрафа, что, на наш взгляд, не отражает соразмерной уголовно-правовой реакции на преступления, совершенные в рамках составов ст. 303 УК РФ.

В связи с тем, что в настоящий момент в УК РФ отсутствует легитимная дефиниция фальсификации, признаки данного явления формулируются в теории уголовного права, в документах судебной практики. Так, Верховный Суд РФ указывает, что «...под фальсификацией доказательств понимается искусственное создание или уничтожение доказательств, независимо от того, являются ли они доказательствами обвинения или защиты, а также независимо от наступления каких-либо последствий, от того являлось ли целью фальсификации доказательств осуждение лица или, наоборот, его оправдание либо иная цель»². Из анализа приведенного определения мы видим, что состав формальный, мотивы и цель, в рамках которых действовал фальсификатор, не имеют значения для квалификации по ст. 303 УК РФ. В подтверждение этого под-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 03.07.2016 № 323 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.09.2010 № 46-О10-80 // СПС «КонсультантПлюс».

хода Верховный Суд РФ аргументирует набор указанных признаков «...особой ролью уголовного преследования в системе мер государственного принуждения, повышенной общественной опасностью умышленной фальсификации следователем доказательств по уголовному делу, независимо от наступления реальных последствий в результате этих действий»¹.

В.Н. Борков отмечает: «Любое преступление, в том числе и отраженное в формальном составе, общественно опасно. Как правило, формальный состав используется при описании таких посягательств, где деяние вредоносно уже при его совершении или порождает реальную угрозу причинения существенного вреда»². Более того, общественная опасность фальсификации возрастает в связи с тем, что, когда в рамках охраняемых общественных отношениях по поводу претворения правосудия в жизнь совершаются преступления, искажаются реальные факты и обстоятельства, формирующие доказательственную базу – сама сущность системы правосудия подвергается дестабилизации изнутри, а лицо, которому государство «доверило» правоохранительную функцию, приобретает статус преступника. Повышенная общественная опасность указанного преступного деяния, влияющая в большей степени на нормальное функционирование системы правосудия в Российской Федерации, должна быть акцентирована судом при принятии решения о назначении судебного штрафа лицу, совершившему преступление, предусмотренное чч. 1-2, ч. 4 ст. 303 УК РФ). По нашему мнению, повышенная общественная опасность исследуемого преступления, хоть и не является формальным препятствием к назначению судебного штрафа, в настоящий момент должна приобретать значимое место в формировании судебного убеждения, иначе под угрозой оказывается реализация такого фундаментального принципа отечественного уголовного права, как принцип справедливости.

По смыслу ст. 76.2 УК РФ принятие решение об освобождении лица от уголовной

ответственности в связи с назначением судебного штрафа может быть принято судом при совершении следующих составов фальсификации: фальсификация доказательств по гражданскому делу (ч. 1 ст. 303 УК РФ); фальсификация доказательств по административному делу (ч. 1 ст. 303 УК РФ); фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении участником производства по делу о административном правонарушении или его представителем (ч. 1 ст. 303 УК РФ); фальсификация доказательств лицом, уполномоченным рассматривать дела о административных правонарушениях либо должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях (ч. 1 ст. 303 УК РФ); фальсификация доказательств по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести (ч. 2 ст. 303 УК РФ); фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ). Серьезной проблемой становится тот факт, что все вышеперечисленные составы преступления по своей конструкции являются формальными, но ни в доктрине, ни в правоприменительной практике единого подхода к возможности применения ст. 76.2 УК РФ в подобных ситуациях не выработано до сих пор. Так, по мнению А.В. Кудрявцевой и К.И. Сутягина, «виновное лицо в силу объективных причин не имеет возможности проявить свое позитивное посткриминальное поведение как одно из условий прекращения дела с назначением судебного штрафа»³. С противоположной позицией выступает Н.Ю. Скрипченко, которая подчеркивает, что судебный штраф применим по некоторым формальным составам, когда лицо объективно может принять меры по восстановлению нарушенных в результате преступления прав личности, общества, государства, загладить причиненный вред путем компенсации морального вреда. В иных случаях применение такой меры уголовно-правового характера невозможно, поскольку отсутствует строгое формальное условие в виде возмещения ущерба, загла-

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.09.2010 № 46-О10-80.

² Борков В.Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2022. С. 108.

³ Кудрявцева А.В., Сутягин К.И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 107.

живания вреда, причиненного преступлением¹.

Сложно представить, каким образом фальсификатор может выполнить условие по возмещению ущерба или заглаживанию вреда. Специфичность объекта, на которые посягает фальсификация доказательств, и результатов оперативно-разыскной деятельности сама по себе не позволяет это сделать, ведь зачастую наступившие последствия выражены в незаконных решениях уполномоченных лиц в рамках того или иного производства, на отмену которых

преступник уже повлиять не сможет, даже если ранее он сам обладал этими полномочиями. При рассмотрении возмещения ущерба, который был причинен правам и законным интересам участников уголовного судопроизводства в частности, условие может быть выполнено через компенсацию морального вреда, но достаточность и полнота устранения вреда нанесенного преступлением всем охраняемым уголовным законом правоотношениям в рамках чч. 1-2, ч. 4 ст. 303 УК РФ остается под вопросом.

Лобач Д.В.,

кандидат юридических наук

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Владивосток)

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДИВЕРСИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ**

В условиях проведения специальной военной операции на территории Украины в целях обеспечения государственной безопасности российский законодатель принял необходимое решение по расширению охранительного потенциала уголовного законодательства Российской Федерации, в связи с чем Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были криминализованы новые общественно опасные деяния, связанные с диверсионной деятельностью. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен новыми нормами, предусматривающими ответственность за содействие диверсионной деятельности (ст. 281¹ УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281² УК РФ), организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281³ УК РФ). Таким образом, российский законодатель, так же как в случае с противодействием терроризму, пошел по пути расширения правоохранительных воз-

можностей уголовного закона через криминализацию предшествующих по отношению к диверсии деяний. Не оспаривая правильность данного подхода (хотя для этого имеются достаточные сомнения, которые неоднократно озвучивались в академической среде²), в то же время следует, наверное, согласиться с тем, что общественная опасность диверсии и террористического акта законодателем оценивается в равной мере, так как за оба преступления предусмотрены схожие наказания в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет. С позиции последовательности уголовно-правовой политики и эффективности уголовного законодательства возник политический диссонанс, заключаемый в повышенном внимании к противодействию терроризма, с одной стороны, и недостаточном отношении к противодействию диверсиям, с другой. Вместе с тем новые нормы о диверсионной деятельности вызывают нарекания с позиции соблюдения правил юридической техники и общих требований пенализации, что снижает их правоохранительный потенциал и может создавать сложности в правоприменении.

¹ Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 106.

² Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 155-178.